

ТАШКЕНТ — ГОРОД-МЕСТО ИЛИ ГОРОД-ПРОЦЕСС? Некоторые представления о среде обитания в категориях пространства и времени

Юрий Подпоренко

Не знаю как сейчас, но в советские времена слово «ташкент», произносимое именно так, не с заглавной буквы, для многих провинциальных русских никакого отношения к географии не имело, а по смыслу переводилось примерно как «сказочно жарко». Узнал об этом я случайно много лет тому назад, когда вышел после завтрака посидеть на скамеечке у входа в железнодорожном санатории и услышал с соседней скамейки часто произносимым название родного города. Недоумение мое было столь велико, что пришлось вмешаться в разговор — и выяснилось, что эти жители Северного Урала взяли путевки на курорт в мечте о жарком ежедневном солнышке, иначе, привычно говоря, о «ташкенте», а теперь возмущались знакомыми им ежедневными или еженощными дождями. Мне же довелось жить в одном номере с парнем из Баку, и мы по достоинству оценивали приятно пасмурную северокавказскую погоду. У нас в Ташкенте в это время, в начале августа, стояла не просто жара, а была *чилля* («сорокадневье») — период летнего «жаростояния», когда после дневных 42–45 градусов в тени температура спадает ночью не до вожделенных 20–22, а всего лишь до 28–30 градусов. И ни один листик ни на одном дереве не шелхнет от ветерка. То есть жара, конечно, в это время в Ташкенте имеет место, но не сказочная, а скорее адская.

Тогда-то и возникло у меня интуитивное прозрение о возможности существования города-призрака, города-мифа, города-образа, порой лишь отчасти совпадающего с реальным вещным городом.

Мифологизированный образ Ташкента, явленный в литературе, противоречив. М. Салтыков-Щедрин в очерках «Господа ташкентцы» использовал это название для критики

современного ему российского общества и видел в мифологизированных «ташкентцах» исключительно чванливых российских обывателей в роли неутомимых «учителей жизни». А. Неверов названием своей повести вбросил, как сейчас выразились бы, броский слоган-миф: «Ташкент — город хлебный». В поздние советские времена на слуху были призывные строки из соответствующей духу эпохи песни: «Сияй Ташкент — звезда Востока // Столица мира и тепла».

Тогда же, помнится, возникла и своего рода мода на «круглые даты» крупных городов страны: Киев справил полуторатысячелетие, Ташкент — двухтысячелетие, а Самарканд — аж двухполовинойтысячелетие. Не знаю, как насчет Киева, а у нас в Ташкенте прошелестел тогда слух, что, мол, не признало международное сообщество в лице ЮНЕСКО ташкентского юбилея, не сочло доводы историков и археологов, проводивших раскопки на территории города, состоятельными.

И рядом с патриотической обидой возникло предчувствие, что здесь обозначилась принципиальная разность методик и подходов — возраст европейского города принято отсчитывать от его первого упоминания в письменных источниках, тогда как возраст Самарканда, Бухары, Ташкента определяли, насколько мне известно, по археологическим принципам датировки древних городищ.

Дело, конечно, не в «правильности» или «неправильности» того или другого подхода, а в их фундаментально различающихся методологических основаниях. Традиции и принципы европейского мышления требуют рассматривать город как нечто однажды возникшее и непрерывно развивающееся. В этом контексте город уподобляется некоему биосоциальному организму, процессу, имеющему точку отсчета в историческом времени и непрерывно развивающемуся вокруг некоего культурного зародыша. То есть к европейским городам в значительной степени применим принцип театра эпохи классицизма, с его единством места и действия. Таковы Афины вокруг Акрополя; Рим, включающий в себя Колизей; столицы других европейских государств, остающиеся таковыми на протяжении столетий и тысячелетий. Можно справедливо возразить, что и на Востоке город всегда строился вокруг *арка*, *цитадели*, *ханаки**,

* Арк — кремль, крепость внутри города. Ханака — обитель святого (живого или умершего). — *Прим. ред.*

Подпоренко Юрий Владимирович, искусствовед, независимый исследователь (г. Ташкент, Узбекистан).

где жил правитель и были сосредоточены основные духовные и материальные ценности, — т. е. место становилось сакральным, а затем сохранялось и почиталось. А вот с действием, пожалуй, все было не столь внятно и последовательно, как на Западе.

В рамках восточной (особенно мусульманской) традиции известно немало случаев, когда акт интенсивного развития явления связан с изменением места действия. Так, думаю, исторический факт двухэтапного развития раннего ислама — сначала в Мекке, а затем в Ясрибе-Медине, — оказался принципиально важным для становления мусульманства, и столь решительным образом повлиял на скорость его распространения, что стал причастным к возникновению одного из принципов, точнее, поведенческих постулатов приверженцев этой религии. При проведении ритуала хаджа было принято отправляться в путешествие к святым местам, выходя из одной двери жилища, а по возвращении входить в новую, специально прорубленную и символизирующую тем самым новую жизнь, новое качество мусульманина — теперь он «хаджи», а значит, и символическую смену места действия.

Признавая всю полемичность такого заявления, рискну обобщить, что в восточных регионах чаще случались и случаются даже сейчас перемещения и переименования столиц как центров культур — Александрия — Каир; Константинополь — Стамбул — Анкара; Москва — Санкт-Петербург — Москва; Самарканд — Ташкент; Алма-Ата — Астана (Актюбинск); Хи́ва — Ургенч. Однако за всю историю западноевропейских государств города, сформировавшиеся как столицы, не меняли ни своих названий, ни мест расположения. Единственное исключение (Берлин — Бонн — Берлин) произошло в XX в. под жестким восточным влиянием.

Причины столь различных судеб городов видятся в том, что существенно разнятся по своему устройству культуры и способы их взаимодействия с природными условиями. Важно и то, что природные условия также решительно отличаются. Причем, думаю, дело не только, скажем, в изначальной комфортности природы Средиземноморья и в целом Западной Европы, но и в том, что годовые циклы развития там более продолжительны, более выразительны, наглядно процессуальны. Я имею в виду, что в этих широтах продолжительны весна и осень; долгота дня и ночи меняется от довольно длительной

до очень краткой. Природа разнообразно живет сама по себе и позволяет подсматривать за собой, перенимать принципы и механизмы развития, тогда как в зоне распространения ислама природа скудна, неравномерна, оазисна. Здесь — краткая весна и долгое, как правило, жарко-испепеляющее, засушливое лето, когда все живое сжимается и укрывается. То есть природа как бы замкнута сама на себя, своеобразной суровостью побуждая к тому же и человека. Здесь, живя на одном месте, человек не прокормится, если не будет постоянно вмешиваться, отвоевывать пространство. Принцип кочевья являет собой частые пространственные перемещения, затрудняющие внутреннее развитие, рост и эволюцию культуры. А организация города — это, по сути, создание оазиса, отграниченного от окружающего сурового мира.

Типология мышления человека, конечно, зависима от характера его отношений с окружающим миром. В данном случае я имею в виду то, что, скажем конкурентность, состояние неустойчивости выбора в Европе, как правило, не чревато гибелью, исчезновением для одного из участников турнира жизни, и в культуре (в широком смысле) приоритетной оказывается «вечная весна» — с ее соперничеством на уровне завязей, замыслов, потенциально возможного развития. И отношения между людьми смогли оставаться более рыхлыми, включая довольно широкий спектр вариативности: король или президент — лишь первый среди равных; без особого воздействия на ход жизни один правитель может быть заменен на другого.

Восточная же деспотия имеет в своем основании жесткий опыт взаимоотношений с природой: такая «мелочь», как плохo закрытый и закрепленный *хурджун** с водой при дальнем переходе, мог стоять жизни всем участникам каравана. Поэтому здесь приоритетными (и авторитетными!) оставались отношения жесткой вертикальной взаимозависимости. Что, конечно, необходимо, но чревато проблемами с развитием системы культуры в целом, которая в данном случае движется во времени как бы скачкообразно, дискретно, перемежая периоды взлетов с периодами упадков.

Так и жизнь восточных городов чаще оказывалась дискретной, прерывистой, что сказывалось на динамике их развития. Древняя культура в период упадка переставала быть реальной

* Хурджун — переметная сумка, торба. — Прим. ред.

духовной опорой, основой для развития, и переходила в разряд «оранжерейности», музейности. А древний город в такое время как бы замирал, лишался действия, переставал быть процессом и становился пусть и святым, но мифологизированным «пустым» местом, при котором состоят его жители.

В Европе город мог разрастаться, как Рим, до размеров империи. Но и погибнуть в таком качестве, поскольку приоритетными становились постепенно центростремительные тенденции пространственного стягивания — «все дороги (буквально) вели в Рим». Но как только система пространственно-временного континуума все более теряет свойства открытости, разомкнутости, все настойчивее тяготеет к отграниченному от природы организменному устройству, тем более у нее шансов, как и у любого организма, умереть, завершиться во времени. История Рима для процессуальной в целом европейской культуры стала хорошим уроком от противного. Хотя и не уберегла европейскую историю ни от Наполеона, ни от Гитлера, ни от Сталина, «раздувавших», как на дрожжах, ненадолго свои страны до огромных размеров.

Кстати, нынешние противники глобализации не столь уж безумны. Хотя их протест и носит стихийный характер, интуиция верно подтверждает все тот же принцип — чем более целостной, всеохватной и пространственно контролируемой становится система общественно-социальных отношений, тем более она склонна к завершению, упадку, зависанию, самоостановке во времени.

Жители цельноразвивающихся, но успешно открытых, разомкнутых городов, как бы многоуровневы по довольно широкой шкале «устойчивость-изменчивость»: верность традиции уживается с готовностью к новизне, обновлению. Например, всего за сто лет негативное отношение парижан к Эйфелевой башне сменилось на противоположное, а в пространстве этого города замечательно уживаются разные эпохи и стили, что дает в результате своего рода золотое сечение в сочетании тенденций устойчивости и развития.

* * *

Современные исследователи культуры центральноазиатского региона выводят закономерности и находят отличия в устройстве той или иной культуры на основе природных цик-

лов и образа жизни. В Казахстане, например, интересно исследуются принципы кочевья как альтернативы оседлости и основы развития, а также анализируются явления культуры в параметрах пространства и времени¹.

Различение города-места и города-процесса в какой-то степени аналогично и «сопряженным оппозициям», исторически присущим, по мнению ташкентского искусствоведа А. Джумаева, культурам/культуре Средней Азии. Это:

- 1) город — степь (пустыня);
- 2) горожанин (сарт) — степняк-кочевник (киргиз, кипчак и т. д.);
- 3) мусульманин — неверный (христианин, иудей, шиит, огнепоклонник);
- 4) перс (таджик) — тюрок, перс — тюрок — араб и др.;
- 5) Иран (Хорасан) — Туран (Туркестан);
- 6) элита — масса (*хосса — омма*);
- 7) город — другой город².

Кстати, последняя в списке оппозиция, видимо, самая слабая по степени интенсивности противостояния, все же, как обнаружилось, имеет хотя и частное, но вполне документированное подтверждение, относящееся к предмету нашего рассмотрения: «Рядовые бухарцы в старое время до того были убеждены, что Бухара превосходит все на свете утонченностью, блеском и своей культурой (“Бухара — сила ислама и веры” — говорило широко известное в Средней Азии бродячее четверостишие), что я знаю случай, когда в самом конце XIX в. один ташкентец, приехавший учиться в бухарское медресе, не смог вынести бухарского чванства и самовосхваления и уехал из Бухары, отказавшись от учения в этом центре среднеазиатско-мусульманской науки»³.

Этот пример еще раз подтверждает, что в Ташкенте были свои потенции саморазвития, резонансно усиленные с приходом русских, стремительно превративших город-перекресток в столицу огромного Туркестанского края.

* * *

А что, все-таки, представляет собой в интересующих нас категориях сам Ташкент при чуть более пристальном рассмотрении?

Возникновение Ташкента древнего было, безусловно, причастно к мировым торговым процессам — караванным маршрутам Великого Шелкового пути, хотя процессы эти никогда не были ни интенсивными, ни непрерывными. Невероятная протяженность непригодных для жизни пространств породила вождельно лелеемую людьми мгновенность их преодоления — вспомните сказки Шехерезады, где такие перемещения — вещь совершенно обыденная.

До прихода русских Ташкент менее всего был местом-замыслом (человека или высших сил); он был, отчасти, проходным двором, «пустым местом», заполняемым людьми и идеями. Это обстоятельство, думаю, во многом и обусловило выбор русскими центра своего присутствия и контроля присоединенной территории. Городом-замыслом Ташкент становится усилиями пришельцев-колонизаторов. Это отчасти его роднит с «городом-призраком», «городом-текстом» Санкт-Петербургом. Хотя существенны и различия. Европейский Ташкент возник, как и северная российская столица, буквально на пустом месте, но в непосредственной близости с существующим старым городом. И вступил с ним, словно привой на взрослом дереве, в активное взаимодействие.

По утверждениям археологов, первые поселения возникли на территории современного Ташкента более двух тысяч лет назад. Затем они «мигрировали» в пределах относительно небольшой площади, занимаемой современной столицей Узбекистана. Возраст Ташкента определен именно археологами на основании современных раскопок и датировки найденных там предметов. То есть, по предложенной схеме различения, история Ташкента прерывиста. Это же подтверждается и историками. Древний «Чачкент» — «город страны Чач», существовал на холме Мингурюк-тепе, недалеко от нынешнего Северного железнодорожного вокзала, и был разрушен во времена арабского завоевания. В его честь теперь названа станция метро «Мингурюк» («Тысяча урючин»). Новый город возник в нескольких километрах от этого места, в пространстве между сохранившимися площадями, носящими исторические названия Хадра, Эски Джува и Чорсу. Сейчас, правда, отдельные старожилы по старинке именуют это место «старым городом». Таким, в смысле — прежним, был Ташкент к приходу русских. И российские колонизаторы-присоединители (естественно, ведь другие времена — другие нравы) не разрушили «старый город»,

а «прилепили» к нему новый. Воспроизводя радиальную, «римско-московскую» схему застройки нового Ташкента, российские зодчие оставляют круг полукругом, размыкая его подковой в сторону «старого города», и помещают в его центр, конечно, не кремль (реальная крепость с гарнизоном и арсеналом возводится на границе со «старым городом»), а просто многосторонний звездообразный перекресток. На нем со временем возникает сквер, которому в течение более чем столетия суждено было выполнять идейно-политические функции, неоднократно меняя их направленность.

Этот заложенный в 1882 г. в честь первого российского генерал-губернатора Туркестанского края Константина Петровича Кауфмана Константиновский сквер на все последующее колониально-российское, советское и постсоветское время оказался нагруженным общественно-политическими смыслами. После череды агиток и олицетворяющих эпоху фигур и бюстов Ленина, Сталина и Маркса, здесь теперь размещена конная статуя Тамерлана, именуемого, как сквер и станция метро, «Амиром Темуром». «Амир» (повелитель, правитель, военачальник) — тюркская первооснова слова «эмир». И хотя в целом период интенсивной намеренной деформации грамматических норм местного русского языка, имевший место в первые постсоветские годы, кажется, сошел на нет, вновь стать «эмиром» этому возвеличенному до идола средневековому правителю, похоже, уже не суждено.

Кстати, обращаясь к сопоставлению проявлений динамики и статики в городской скульптуре Ташкента, можно однозначно констатировать практически полную замену динамичных и динамизирующих сознание фигур и композиций советского времени на величественно статичные, а значит, и гораздо более однообразные по форме фигуры периода независимости Узбекистана.

Символично, что гривасто-рубленную, овеваемую ветрами революций, голову Маркса заменила конная статуя Тамерлана, умиротворяющего и усмиряющего жестом правой руки подвластный и поныне ему народ. Также исчезли застывшие в мгновение атаки ташкентские комиссары, несколько десятилетий стремившиеся к «взятию» Северного вокзала, и Максим Горький, заносивший ногу с явным намерением перейти площадку в неполюженном месте. А Гагарин, словно ракета венчавший устремленный ввысь постамент на холме в центре города,

напротив здания бывшего ЦК Компартии Узбекистана, с превращением и разрастанием этого здания в нынешний президентский комплекс «Ок Сарой» («Белый дворец») переместился на окраину и встал скромно перед кинотеатром, носящим его имя. Исключение составила лишь обвеваемая машинными потоками фигура Пушкина в центре Пушкинской площади.

Идея чередования интенсивного движения жизни в этом регионе и ее замирания в потоке времени выпукло была выражена в конце 80-х гг. XX в. выдающимися мастерами узбекского театра, режиссером Б. Юлдашевым и художником-сценографом Г. Бримом, в театральной дилогии «Звездные ночи» и «Зебуниссо» на тему отечественной истории периода Бабуридов. Взятые за основу образного решения огромные колеса арбы в первом из спектаклей почти непрерывно двигались, а во втором — разобранные валялись на сцене.

В древней истории региона Ташкент никогда не был его центром, заняв это место только в истории новейшей и развившись за всего немногим более ста лет до крупнейшего в Средней Азии мегаполиса. В этой связи в каком-то смысле можно говорить о потенциальной процессуальности Ташкента — древняя развилка караванных путей расцвела с нарастанием центростремительных тенденций. Причиной этого стало реализованное влияние европейски-российского мышления — не имея столь мощных традиций устойчивости, как Бухара или Самарканд, Ташкент, как конгломерат жителей, был заметно менее духовно наполненным, чем его именитые соседи. А значит, имел и неизмеримо большую потенцию для развития как проявления неравновесного процесса в обществе.

Современный Ташкент — это, безусловно, город-процесс, хотя некоторые нынешние тенденции в изменении его облика и пространственной организации настораживают. Я имею в виду нарастающие в последние десятилетия приметы города-монумента, города-призрака. Толчком к этому послужил, как ни странно, разовый природный процесс, только не жизненно создающий, а разрушительный — землетрясение 1966 г. До этого момента центр Ташкента был живым организмом. Старожилы помнят, а молодые могли или могут увидеть в замечательном фильме «Прощай, зелень лета» главную улицу, по которой горожане совершали ежевечерний променад; плотно заселенные улочки нынешнего пустынно-казенного административного центра. Город-процесс, как и базар, по древнему

поверью, сам выбиравший себе место (в новейшее время в Ташкенте — Фархадский базар, который стихийно возник в сердцевине первого и крупнейшего жилого массива — Чиланзара), существо живое, а потому — довольно хрупкое. Тем более, что в момент (в расширительном смысле) ташкентского землетрясения произошел своего рода естественно-искусственный резонанс — архитекторы того времени шутили, что подземный Зилзилла встряхнул город в самом его центре как бы по заказу, как раз тогда, когда был сочинен план его генеральной реконструкции. Шутка, как теперь мне представляется, оказалась довольно злой. А раж реконструкции, прокладки все новых и новых проспектов, транспортных магистралей и развязок, с разрушением естественно складывавшихся очагов городской жизни, похоже, не имеет предела. И все более превращает город-процесс в город-место, красивое, просторное, но не очень комфортное для человеческого духа, тем более — для теплых человеческих душ.

* * *

Современному европейскому, да, скажем, и японскому или американскому, городу присущи разные скорости и типы движения. Подлинный демократизм современного мегаполиса более всего проявляется в том, что горожане равноправны в способах перемещения по городу. И чем разнообразнее шкала градаций, тем полнее удовлетворяются индивидуальные потребности в перемещениях — способах и скоростях движения. Скажем, в этом смысле устройство городов Германии стоит признать наиболее гибким и гуманистичным. И проявляется это наиболее явственно в состоянии улиц немецких городов, на которых предоставлены равные возможности для передвижения (по мере возрастания скорости) пешеходам, велосипедистам и автомобилистам-мотоциклистам. Рискну предположить, что уровень реализации потенции человека по широкому общественно-социальному спектру его устремлений и возможностей проецируется на то, как он передвигается по городу. Равно как и на то, какие возможности для этого предоставлены устройством городской среды. То есть, если в целом понятие «демократия» должно быть признано довольно сложным явлением, определяемым опосредованно по целому

набору различных свойств, присущих тому или иному обществу, то в приложении к устройству городской среды оно обретает вполне зримые черты.

Современный Ташкент в этом контексте должен, пожалуй, быть назван городом контрастов. С одной стороны — стремительное его преобразование, осуществленное в последние годы. Создано множество транспортных развязок, проложены новые городские магистрали, обновлены и реконструированы старые. Возведено много современных, главным образом административных и офисных зданий. С другой — равноправие идущих и едущих горожан порой заметно нарушается.

За последние годы решительно изменилась карта маршрутов городского транспорта. Из центра Ташкента изгнан самый экологически чистый вид передвижения — трамвай. Тот самый, который в начале прошлого века появился в Ташкенте, если не ошибаюсь, третьим в мире. Именно в трамвае — а первый номер символично пересекал весь город от вокзала до центра «старого города», я видел в 1950-е гг. пожилых узбеков в парандже. Эту плотную завесу из конского волоса так и не сняли те хранительницы традиций, которые не поддались на уговоры большевиков во времена «худжума» — кампании по раскрепощению женщин Востока. Правда, в постперестроечные времена ташкентский трамвай из средства передвижения как-то незаметно превратился в средство «стояния» — на многолюдных остановках водители могут стоять по десять минут и более по своему усмотрению. И стали отдельные маршруты средством передвижения исключительно пенсионеров, которым, как кажется, некуда торопиться. «Прогулочными» стали и некоторые маршруты троллейбуса. Основная нагрузка общественного транспорта легла на «плечи» автобусов и маршрутных такси, а также трех линий метрополитена. Но наиболее разительные изменения произошли в облике ташкентских улиц.

В свое время, надо полагать, в конце позапрошлого века, ташкентская улица была устроена не хуже, а в чем-то и лучше современной немецкой. На ней не было велосипедной дорожки, но между проезжей частью и домами были в неумолимо обязательном порядке три важнейшие для жизни в жарком климате вещи: тротуар, арык и зеленая полоса. Траву возле арыка сажать было не нужно, она росла сама по себе, что вместе с журчащей беспрерывно струящейся водой создавало удивительную атмосферу. А вот растущие вдоль арыка деревья,

конечно, надо было сажать. И беречь. Сызмальства знал я непреложное правило — дерево нельзя ломать и тем более срубить или спилить. Каждое нанесено на карту и подлежит охране. На особом учете в далекие пятидесятые годы прошлого века в городе были тутовые деревья. И выглядели они странно-экзотично — при толстом стволе ветви росли веером, как у пальмы. Это потому, что каждую весну колхозники из близлежащих хозяйств объезжали город и срезали сочные зеленые ветви для тутового шелкопряда. Толстенькие червячки поедали листья в огромных количествах, прежде чем заплести себя ценнейшей шелковой паутиной в кокон. Деревья были на особом учете. К следующей весне ветки вырастали новые, но не такие, чтобы получилось обычное ветвистое дерево. Все же остальные деревья — акации, восточные клены, именуемые чинарами, множество других деревьев, названий которых я не помню, росли свободно и достигали изрядной высоты. На не очень широких улицах их кроны в высоте смыкались, и даже машины ехали сквозь зеленый тоннель. А пешеход мог запросто пройти несколько улиц, не разу не попав под палящее летнее солнце.

Сейчас такие улицы в Ташкенте — большая редкость. Хочу напомнить, что так были устроены ташкентские улицы в «новом» городе — той его части, которая была пристроена русскими к исторически сложившемуся поселению. Основную его часть я, родившийся в Ташкенте через год после войны, конечно же, не застал. Еще в 1930-е гг. «старый город» то ли прорезала, то ли соединила улица Навои — проспект, символически соединивший его с новым. Но вот за ее пределами, даже за базаром Эски Джува, старые улочки сохранились еще довольно долго. И они не были спланированы, а застраивались стихийно; оставались такими узкими, что едва могли, да и то не всегда, разъехаться две арбы.

Ирригационные традиции на Востоке и, в частности, в Узбекистане, очень давние, многовековые. Еще в глубокой древности местные жители блестяще освоили тактику забора воды для полива из горных речек путем устройства отводных каналов. Воду из каналов, отведенных выше по течению реки Чирчик, не один век пьют ташкентцы. Эта же вода в пересекающих город с северо-запада на юго-восток каналах. Она же была в, увы, пересохших в основном городских арыках. Планируя и застраивая «новый город», русские градостроители, переняв

опыт мастеров полива (*сувчи*), успешно применили его, сделав жизнь комфортной и уютной.

Сейчас Ташкент, обретая столичный лоск, увы, становится не очень удобным для жилья. И дело не только в проблемах общественного транспорта, о которых сказано выше. Многие улицы, из числа тех, что «впадают» в магистрали буквально в центре города, для пешеходов становятся просто опасны. Потому что они стремительно лишились и продолжают лишаться... тротуаров. Да, да, тех самых, по которым еще каких-нибудь 20–30 лет тому назад можно было с удовольствием, под тенью деревьев и журчанье арыка, совершенно безопасно идти по делам или просто гулять. Пешеходы лишились тротуара — своей суверенной территории, помешающей их в защищенное положение, и уравнины в правах, точнее, в бесправии, на проезжей части. Особенно ощутимо это в дождливую или снежную (а такие тоже бывают в Ташкенте) погоду. А каково в жару, когда за сорок, и с машинами, от которых надо уворачиваться?

«Да куда же подевались тротуары в Ташкенте?» — может воскликнуть заинтригованный и эмоциональный читатель. Они, как правило, застроены владельцами новых дворцов, возле которых либо ажурная, но основательно непреодолимая ограда, захватывающая территорию вплоть до проезжей части, либо помпезное крыльцо внушительных размеров, либо въезд в полуподвальный этаж дома. И спуск этот начинается от проезжей части и к тому месту, где должен был быть тротуар, заглубление нередко достигает, а то и превышает метр.

Недавно я заговорил об этом с моим приятелем-архитектором и поинтересовался: не отменили ли «красную линию». Я вспомнил, что еще во времена хрущевской одиннадцатилетки ходил на практику в Главное архитектурное управление Ташкента, где врезались в мою память, словно суровая музыка эпохи, эти слова: «красная линия». Речь идет об условной линии, разделяющей собственно улицу и порядок домов; линию, которую ни при каких обстоятельствах застройщик не мог переступить. И когда потом я проходил мимо старинных ташкентских особняков с «втянутыми» в пространство дома парадными подъездами, я с уважением думал об их проектировщиках и строителях: «закон есть закон».

А теперь от своего приятеля я узнал, что правила, в том числе и «красную линию», конечно, не отменяли, но зато сей-

час такие нарушители-застройщики платят штрафы. Я-то навивно полагал, что есть такого рода установления, которые, в силу своей фундаментальности, не подлежат неисполнению и не предполагают штрафных санкций, а исключают их. Увы...

Сейчас множество вековых деревьев в Ташкенте вырублено и заменено елочками, которые, конечно, надежнее, ведь их нельзя употреблять для приготовления плова или шашлыка — они будут горчить хвоей. Это к тому, что среди версий о причинах вырубки ташкентских деревьев-старожилов есть «террористическая» (дескать, в кроне огромного зеленого дерева может спрятаться террорист) и «пищевая», постоянно уносящая при традиционном приготовлении пищи на «живом» огне кубометры лиственных пород деревьев. В результате центр города все более «мемориализируется», становясь все более парадным и все менее пригодным для жизни. Правда, в самое последнее время две-три улицы в центре буквально перегородили, заполнив образовавшиеся скверы молодыми саженцами. Но это капля в море по сравнению с тем экологическим уроном, который городу уже нанесен в последние годы.

Так или иначе, объем города-места возрастает, а интенсивность города-процесса ослабевает, сужается и рассеивается. И еще одно аналогичное наблюдение. Иностранцы, приезжая, как правило, из городов-процессов с их довольно плотной застройкой, все чаще облюбовывают места для своих офисов среди жилых одноэтажных и малоэтажных домов-особняков (там, где они еще сохранились) — район за бывшей гостиницей «Россия» буквально нашпигован посольствами и иностранными офисами.

Городу-процессу, городу людей необходимо постоянное, порой даже не всегда отчетливо мотивированное и хаосоподобное движение. Стихийно возникавшие и необычайно разраставшиеся базары-барахолки — зримое выражение недостаточно удовлетворяемых потребностей горожан в движении, в имитации деятельности, ибо экономическая составляющая барахолки ничтожна. Недавно уничтожена так называемая Те-зиковка, и еще неизвестно — приживется ли перенесенная барахолка на новом месте, сохранит ли, обретет ли заново свойства живого и бесконечно долго не меняющего места своего расположения человеческого муравейника?

Город, как одна из устойчивых форм нынешней цивилизации, как специфическая форма организации людей для

компактного проживания — тема, достаточно далекая от исчерпывающего понимания ее как учеными, так и практиками-горожанами. Предлагаемый принцип различения города-места и города-процесса, надеюсь, спровоцирует дискуссионные отклики — залог возможного продуктивного продвижения на пути познания, стихийного и осмысленного изменения мира и человека в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Аманов Б., Мухамбетова А.* Казахская традиционная музыка и XX век. Алма-Ата, 2001.

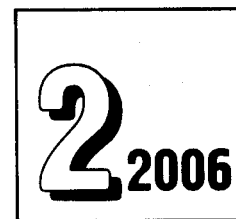
² См.: Динамика исторического процесса и картины мира в культуре среднеазиатских народов на сайте «Восток-Запад. Взгляд из Ташкента» (<http://east-west.freenet.uz>).

³ *Андреев М. С., Чехович О. Д.* Арк (Кремль) Бухары в конце XIX — начале XX века. Душанбе, 1972. С. 120.

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит четыре раза в год
Год издания восьмой

2 2006

МОСКВА